

человек» – подумал я, тем более, что он в придачу положил нам с полкилограмма сливочного масла, трофейного конечно. Мы с Виктором стали лежа грызть его с двух сторон.

К соседним саням подскочил какой-то шустрый солдатик и обнаружил там прикрытую брезентом полевую кухню и воскликнул: «Да тут и пшено есть! И дрова! Сейчас кашу сварим!» Он схватил лопату и стал сгребать снег и бросать его в котел. Быстро разжег под котлом огонь, пристроил лежавшую рядом с котлом жестянную трубу, и сразу стало веселее на душе.

Увидав дымок, потянулись к нему уцелевшие и легкораненые солдаты, и вскоре около саней собралось человек 50 бойцов. Появилась и медсестра, молоденькая девочка. У нее уже не было бинтов, и она оторвала полоску от моей нижней рубашки и перевязала мне ногу и голову. Таким же образом был перевязан и Виктор.

Однако радость моя от теплых валенок была омрачена резкими уколами от сухого бурьяна, торчащего из снега, прямо в подошвы ног. Валенки были протерты так, что подошв вовсе не было, их заменяли стельки из сена. Стало понятно, почему тот лейтенант так охотно променял свои валенки на мои сапоги.

Так, в заботах, мы совсем забыли, что дым могли увидеть и немцы. Снова послышался шум моторов, и снова по обеим сторонам оврага стали спускаться восемь танков. Виктор лежал на санях неподвижно, он потерял много крови. Я растормошил его и сказал, что теперь танки нас просто раздавят, надо удирать.

Первым же снарядом немцы разбили кухню. Захватив левой рукой голенище валенка, я поковылял наискосок наверх, прочь из оврага. Виктор отказался последовать за мной. Бурьян сильно колол подошвы ног, но я упорно лез из оврага. И тут, нам на спасение, пошел снег! Крупные